

Сборник прозы

ОДИНАКОВЫЕ РАССКАЗЫ

Анна Финчем

The background of the cover is a photograph of a small, dark boat floating on a calm sea. The sky is a warm, golden-yellow color, suggesting a sunset or sunrise, with some light clouds. The water is dark and reflects the light from the sky. The boat is positioned in the lower center of the frame, leaving a small wake behind it.

16+

Анна Финчем

Одинаковые рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37941210

SelfPub; 2021

Аннотация

Что формирует вашу жизнь – карма, внешние обстоятельства, социум, личная воля? Влияют ли решения, принятые вами в какой-то момент времени, на то, как сложится ваша жизнь? Важно ли понимать, что именно движет вами во время принятия решения? Какое решение правильное, а какое – нет? Как узнать заранее, будет ли ваша семейная жизнь счастливой? Как увидеть, сможете ли вы достичь той цели, которую ставите перед собой, и зависит ли благополучный исход дела от тех эмоций, которые вы испытывали, когда ставили перед собой цель? На примере событий, происходящих в жизни героев, автор отвечает на все эти вопросы. Каждый рассказ описывает реальные ситуации, при этом показывая, как психологический настрой и внутренние убеждения персонажей предопределяют будущие события. Для широкого круга читателей, интересующихся психологией достижения успеха, саморазвитием и самопознанием.

Содержание

Чувствователь	4
Пока смерть не разлучит нас	39
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Анна Финчем

Одинаковые рассказы

Чувствователь

Неделя была такой насыщенной, что она потеряла счёт дням, и если бы её спросили, пятница ли сегодня, то не смогла бы ответить без календаря. На самом деле было совершенно неважно, пятница сегодня, понедельник, или даже среда, потому что её жизнь не зависела от дней недели.

Было ранее утро, и это можно было определить только по слегка морозному воздуху, характерному для тёплой весны, когда днём жарко, а утром и вечером прохладно, и по тому, что солнце было на востоке, а не на западе. Настя так часто ходила в этот лес, что знала много секретных тропинок, в том числе и эту, которая вела на уютный пригорочек, откуда было удобно наблюдать за утренними бегунами в разноцветных трусах, велосипедистами и собачниками, спозаранку потирающими недавно проснувшиеся глаза. Ей подумалось, что все эти люди и собаки, наверное, имеют чёткий план и точно знают, куда именно им надо бежать или ехать, но со стороны их движения выглядят совершенно хаотично и даже, если честно, бессмысленно.

Хотя, с другой стороны, возможно, это просто были внут-

ренние бухтения усталого человека. Что ты прицепилась к этим бегунам, даже и трусы разглядела! Бегут себе и бегут, здоровее будут!

Прошлая неделя была на удивление выматывающей, даже воспоминания о ней вызывали внутреннюю дрожь. Она вспомнила того парня, от которого ушла жена. Его отчаяние и уязвлённое самолюбие были размером с гору, и Настя почти час потратила только на то, чтобы это прочувствовать и принять, иногда задумываясь, что сам парень бы, наверное, с ума сошёл с непривычки. А та девушка, с женатым любовником? Увидела его в кафе с женой, как он жену обнимал и целовал, тоже чуть от ревности руки на себя не наложила, а ещё тот бизнесмен, у которого деньги со счетов исчезли! Страх, отчаяние, стыд, вина, злость... Люди смотрят фильмы ужасов про монстров, которые пожирают других людей заживо, а у них самих внутри живут монстры пострашнее. Сколько ужасных и бессмысленных поступков совершают люди всего лишь потому, что не могут справиться со своими эмоциями, или не знают, как это делать, или не умеют, или не хотят даже пытаться. Сколько эмоций утоплено в алкоголе, сексе с малознакомыми людьми, наркотиках, попытках самоубийства! Пережить похмелье легче, чем обиду, а уж встретиться со своим страхом и вовсе невообразимо. Страшно же! Вдруг съест.

Способность переживать чувства за других людей она обнаружила в себе случайно, пару лет назад. Был свободный

день, она гуляла по центру города и зашла в модную и почти пустую в это время дня кофейню, соблазнившись ароматами ванили и корицы, и как раз наслаждалась вкусным латте и нежнейшим десертом «Павлова», когда что-то словно кольнуло её в области сердца и дрожь прошла по всему телу. Более того, она ощутила присутствие непонятного серого облачка возле себя, и это облачко пахло страданием и болью. Настя отложила ложку и поставила чашку на блюдце, стараясь понять, что происходит, и её взгляд привлекла девушка, сидящая за столиком напротив. Симпатичная высокая блондинка, хорошо и дорого одетая, что-то быстро печатала в телефоне. Ничего необычного в этой картинке не было, таких девушек полно в каждой модной кофейне любого города, но Настя заметила, что руки незнакомки дрожали, а когда девушка подняла голову, увидела слезы на её глазах. А вот и дорогой телефон практически выпал из пальцев, девушка закрыла лицо руками и облокотилась на стол, сотрясаясь от беззвучных рыданий.

Настя была человеком добрым и отзывчивым. Её желание и готовность помочь людям многие ценили, а родители за это называли её дурой малахольной, потому что Настя с большей готовностью помогала другим, чем себе. Она, не задумываясь раздавала милостыню, постоянно пыталась принести домой бездомных котят и щенят, покупала хлеб соседским бабушкам, а если бы зимой на улице человек в футболке попросил отдать ему её тёплую куртку, она бы, скорее всего,

отдала, подумав, что ему нужнее.

Несколько минут она колебалась, размышляя, стоит ли подходить к дорого одетой красавице, да и кофе остывал, но сильное чувство сострадания победило, и она всё-таки подошла к соседнему столику. Более того, теперь она точно ощущала, что облачко страдания и боли исходило именно от этой девушки, но было настолько большим, что затрагивало соседние столики. Хорошо, что в кофейне больше никого не было, кроме неё и Насти, даже официанты куда-то испарились.

– Простите, – вежливо и негромко начала Настя, – я могу вам помочь?

Девушка отняла руки от лица, и Настя поняла, что та на самом деле моложе, чем выглядит, но выбранный стиль в одежде, делающий её одновременно модной и «такой, как все», ненужно взрослил и лишал индивидуальности. Если такую девушку умыть, переодеть в простое платьишко и позволить нещадно вытянутым волосам естественно кудрявиться, она будет милой простушкой, которых почти не осталось в каменных пыльных джунглях мегаполисов, где аромат свежескошенной травы можно унюхать разве что от освежителя воздуха в туалете дорогого ресторана.

Возможно, если бы модная блондинка продолжала быть «в образе», она ни за что бы не позволила себе откровенничать с незнакомым человеком, но её боль была так сильна, что вытащила на поверхность милую простушку.

– Да чем тут поможешь? – всхлипывая, ответила девушка, – понимаете, он же козёл! Он обещал на мне жениться, он клялся, что женится! Он не любит жену, он меня любит, он с ней только из жалости и из-за детей, и всё! Он ко мне почти каждый день приезжал, и звонил, и всё время говорил, что меня любит и что разведётся!

– И что случилось? – ещё тише и вежливее спросила Настя.

– А то, что я беременна! И я ему написала, что беременна, и думала, что он теперь её бросит и со мной будет! А этот козёл мне знаете, что написал? «Прости, я не могу быть с тобой, я должен быть со своей семьёй!!!»

Девушка почти швырнула телефон в сторону Насти и горько заплакала.

– А мне теперь что делать? Куда я одна с ребёнком? Я же думала, он всё решит и всё сделает! А теперь он меня бросил, и что я родителям скажу? Они мне давно сказали, что если в подоле принесу, из дома выгонят! И я на улице останусь!

Лично у Насти вариантов помощи было немного. Она была отзывчивым человеком и помочь хотела, но как? Она же не могла заставить того мужчину жениться, или пообещать девушке, что заберёт ребёнка к себе на воспитание, или купить ей квартиру!

– Если бы я только могла помочь ей пережить это, – тихим шёпотом сказала Настя, ни к кому конкретно не обращаясь, и слегка коснулась плеча девушки.

Воздух пошевелился, как от лёгкого дуновения ветерка, сероватое облачко сместилось, замерло на секунду и накрыло Настю. Ощущение пришло тут же, как будто хорошо тренированный боксёр-тяжеловес отточенным ударом двинул ей под дых. Она сложилась пополам и хватала воздух ртом, чувствуя такое отчаяние и боль, какие вообще никогда раньше не чувствовала. Перед глазами проносились картинки: вот мужчина в хорошем костюме, с букетом цветов, вот красивые коробочки с подарками, вот гостиничный номер с большой кроватью, вот тест на беременность (положительный), вот неряшливая женщина средних лет с грязной тряпкой в руках, а вот мужчина с пузцом в растянутой майке, лежащий на диване, убогая квартирka с крохотной кухней, сообщение «Не могу быть с тобой» и вывеска того кафе, где Настя сейчас сидела. Обрывки слов в ушах: «Я тебя люблю, мне так с тобой хорошо!», «Не вздумай только в подоле принести, вот ещё срама не хватало!», «Слушайся мать, а то станешь проституткой!», «Я должен быть с семьёй», «Из дома выгоню!», «Я с женой только из жалости», «Если я разведусь, я обязательно буду с тобой!»

Насте почти хотелось плакать и кричать, обида и боль сдавливали горло, сердце колотилось, желудок сжимался в комок. Девушка же, наоборот, подняла голову, огляделась, поправила волосы. Слезы высохли, вернулся щебечущий голосок, пальцы взяли телефон. Она не обращала внимания на побледневшую Настю, и ей явно стало легче.

– Ой, вы знаете, у меня же парень есть, я с ним раньше встречалась, он мне говорил, что он меня всегда-всегда будет любить и жениться на мне хочет, я ему сейчас напишу! И всё, проблема решена! Я вообще ему скажу, что это его ребёнок, он же никак не проверит! Как мне это раньше в голову не пришло? Вы что-то такое сделали, да? Как магия? – она, наконец, посмотрела на Настю, – так здорово! Я за ваш кофе заплачу, не переживайте. До свидания!

Она практически выпорхнула из кафе, сверкнув округлой попкой, обтянутой джинсами. Настя осталась одна в кафе, наедине с ноющей обидой внутри серого облачка, причём через призму этого самого облачка окружающая реальность выглядела весьма убого. Неожиданно возле её столика возник официант, желающий забрать грязные кружки.

– С вами всё хорошо? – участливо спросил он.

Настя подумала, что он, наверное, видел то, что произошло, и поэтому задала вопрос вслух.

– И что мне теперь с этим делать? Это же даже не мои чувства! Это её!

– Если не ваше, то не берите, – улыбнулся парень.

– Как это «не берите?» – опешила Настя.

– Отойдите подальше и наблюдайте. А себе не берите.

Настя хотела сказать что-то ещё, но поняла, что официанта рядом уже нет, и кружек тоже. Ей пришлось сделать усилие над собой для того, чтобы глубоко вздохнуть, распрямить плечи и посмотреть на облачко.

«Не твоё – не бери», – пронеслось в голове, – «отойди подальше».

Она представила, как делает шаг назад, и ррраз! – облачко отделилось от неё и стало просто облачком. Чувства обиды и боли остались в нём, отпустив Настю, а её саму качнуло назад, как от отдачи при выстреле. Тело вернулось в обычное спокойное состояние, мысли выровнялись, трясучка прошла.

– Вау, – выдохнула она, – ничего себе!

Облачко покачивалось неподалёку. Настя видела мелькающие в нём картинки и понимала, что слова и чувства остались там, внутри, но она была свободна от них.

– И что теперь? – спросила она окружающее пространство.

– Наблюдай! Увидишь.

Обида, слёзы, отчаяние – всё запуталось в клубок внутри облачка, да так, что и не выбраться. А вот этому всему как помочь?

«All you need is love», – откуда-то взялось у неё в голове. Может, машина проехала, и эта песня по радио играла? Но при чём тут это?

Она смотрела на облачко дальше.

«А если бы это был плачущий ребёнок, ты бы что сделала?» – она не слышала голос, но слова приходили.

– Обняла бы. Успокоила.

Пространство молчало.

– И что, мне это обнять?

Пространство кивнуло.

– Знать бы, как!

Картинка пришла мгновенно. Облачко превратилось в плачущего ребёнка, и Настя увидела себя со стороны, обнимающей его.

– Я люблю тебя, – сказала та, другая Настя, и ребёнок перестал плакать, потом стал опять облачком, только белым, а чуть позже и вовсе растворился в воздухе.

Когда Настя помотала головой, пытаясь как-то разложить это всё по полочкам ума, перед ней возникла чашка дымящегося кофе и новый десерт. Официант, опять появившийся за барной стойкой, поднял вверх большой палец в знак восхищения.

Тогда, в начале, она воспринимала это как игру. Помочь младшему брату, который плакал оттого, что получил двойку; помочь отцу, которого неожиданно – как ему казалось – уволили с работы; помочь подруге, которую бросил парень. Прикоснувшись к человеку, она забирала у него те эмоции, которые заставляли его страдать, видела их в виде облачка, говорила им что-то вроде «Я тебя люблю, всё будет хорошо», и наблюдала, как они растворялись. Тем, кому она помогала, мгновенно становилось легче, они тут же забывали о своих проблемах, а иногда забывали даже поблагодарить Настю, а может и не видели связи между ней и исчезновением внутренних страданий. Она не требовала от них благодарности,

убеждая саму себя в том, что для неё это нетрудно, но через какое-то время поняла, что люди, которых она легко и быстро избавила от болезненных ощущений, так же быстро испытывали их снова. На самом деле, брат получил двойку потому, что не выучил урок; отца уволили за пьянство и прогулы, а парень бросил подругу потому, что она целовалась с его лучшим другом. Но люди, казалось, упорно не видели того, что сами являются причиной своих страданий, более того, наотрез отказывались признавать то, что именно их действия привели к болезненным ощущениям.

Когда подруга, плача и жалуясь, вновь пришла к Насте за утешением, так как очередной парень бросил её из-за неверности, Настя попробовала другую тактику.

– Послушай, может быть, попробуй не изменять парню через пару месяцев отношений, и он тебя не бросит?

– Да при чем тут «изменять»? Он просто козёл и меня не любит! Ну подумаешь, поцеловалась с кем-то, всякое бывает, мы же отдыхали, шашлыки жарили, вино пили, ну и как-то так получилось! Любил бы меня – простил бы, и всё!

Настя не была уверена, что именно в этом состоит любовь, но это же было её личное мнение, правда? Тем не менее, поведенческая тенденция подруги стала вполне очевидна после третьего бросившего её парня, и Настя подумала, что ей уже не так интересно и радостно помогать человеку, который сам же наступает на свои грабли. Где гарантия, что этого не случится в четвёртый и пятый раз?

– Просто сделай то, что ты в прошлые разы делала, и всё, мне же плохо, неужели не видишь! – подруга продолжала всхлипывать.

Настя колебалась. Желание помочь, такое привычное для неё, столкнулось с каким-то другим ощущением, и то, второе ощущение, было против. Это же её чувства, подруги, вот пусть она сама с ними и разбирается!

– А давай я тебя научу, как я это делаю, и ты сама сможешь? – такое простое решение, как оно ей раньше в голову не приходило?

– Как это – сама? Я сама не умею!

– Ну так я и предлагаю научить! Всё очень просто, тебе нужно все свои ощущения отделить от себя, увидеть их в виде облачка, а потом им сказать, что ты их любишь, и они растворятся!

– Кого я люблю? – подруга аж плакать перестала от удивления, – ощущения?

– Ну да, вот всё то, что ты испытываешь, скажи этому всему, что ты их любишь! И что всё будет хорошо...

– То есть, меня парень бросил, мне хреново, а ты мне предлагаешь какие-то там ощущения любить? – голос подруги звучал обиженно и с претензией, – то же мне, подруга называется! Просто помоги, тебе трудно, что ли?

Настя и хотела помочь, но, видать, как-то не так выразилась. Колебания качнулись в сторону обычного человеколюбия, да и несложно же было быстренько поработать с чув-

ствами обиженной.

– Ну хочешь, я тебе контрамарку на новый спектакль достану? Ты же любишь театр, – просительно пропела подруга и Настя сдалась.

Сосредоточилась, закрыла глаза, прикоснулась к подруге, увидела облачко, отстранилась, сказала нужные слова, убедилась в том, что оно растворилось, выдохнула, открыла глаза.

У подруги высохли слезы, распрямилась спина, заблестели глаза.

– Ну вот, другое дело! Как ты это делаешь – ума не приложу!

Она встала и пошла к дверям. Задержалась у зеркала, поправила платье, подмигнула сама себе.

– С меня контрамарка! Да, и можно я девочкам скажу, что ты такие штуки умеешь делать? Есть знакомая одна, её муж бросил недавно, к молодой ушёл, она прямо плачет-плачет, а ты же можешь помочь, верно?

Настя только кивнула в ответ.

Она помогла знакомой, потом знакомой знакомой, потом ещё одной. В качестве благодарности женщины приносили ей шоколадки и тортики, те, кто постарше – коньячок или винишко, а одна и вовсе с набором дорогой бижутерии пришла. Настя стала секретной «палочкой-выручалочкой» для тех женщин в округе, которые страдали от одиночества, или оттого, что их не любили, или бросили, или обидели. Она

слушала их рассказы, очень похожие один на другой, всё больше и больше убеждаясь, что они все совершенно самостоятельно предпринимали те действия, которые приводили к появлению их болезненных эмоций, но стоило ей только заикнуться об этом, женщины обиженно поджимали губы и молчали, а некоторые и вовсе вскакивали и уходили, держа сумки под мышкой, всем своим видом выражая негодование по поводу «этой малолетней пигалицы, которая жизни не знает, а советы раздаёт».

Эти эмоции Настя тоже считывала, и ей становилось не по себе, как будто болезненные состояния женщин не уходили вместе с ними, а оставались с Настей, может быть, в надежде, что удастся, наконец, освободиться из плена. Через несколько десятков встреч Настя обнаружила, что ей необязательно прикасаться к человеку, чтобы взять его эмоции себе, даже видеть человека стало необязательно, она вполне могла помочь и по телефону, а потом и разговаривать стало ненужно, достаточно было просто получить сообщение. Она мысленно настраивалась на человека, обратившегося за помощью, и видела его мысли и эмоции, как будто на экране перед собой, и легко могла с ними работать.

Следующее открытие было даже более интересным. Наблюдая за людьми, она видела, как люди ненавидели и боялись своих эмоций, всеми силами избегая их или пытаясь от них убежать, и чем сильнее было сопротивление людей, тем больше эмоции к ним приближались, как будто в какой-то

странной игре в догонялки, где догоняющий просто догоняет, без желания причинить вред, а убегающий отчаянно убегает, но при этом они оба находятся в маленькой комнатке, из которой убежать невозможно. Более того, чем быстрее они пытались бежать, или были в иллюзии, что бегут, тем выше поднимались эмоции и накрывали человека, как волна. Смотрящий со стороны нейтральный наблюдатель мог бы сказать человеку: «Остановись, ты не сможешь от этого убежать, как бы ты не пытался. Позволь этой волне пройти через тебя. Она не причинит тебе вреда, она просто схлынет, тебе нужно сконцентрироваться, замереть и дожидаться этого». И это и было то, чего люди не могли сделать. Им было так больно, или страшно, или тоскливо, что это перекрывало любые разумные доводы. Иногда Насте хотелось взять и встряхнуть очередную брошенную дамочку, упивающуюся своим несчастьем, и крикнуть ей в ухо: «Проснись! Ты сама создала ситуацию, так прими её, просто дай своим чувствам выйти!»

Но она этого не делала, ибо знала, что её не поймут. А потом ситуация изменилась. Компания, в которой она работала, обанкротилась, и она осталась без работы. Найти новую было несложно, но прошлая её устраивала по деньгам, да и от дома была недалеко, и ей хотелось найти что-то подобное. Её подруга, та самая, которая часто целовала лучших друзей своих парней, как раз пришла к ней в очередной раз за помощью. Настя помогла, они пили чай на кухне и болтали.

– Зачем тебе вообще искать работу, бери деньги с клиентов и всё, – подруга с аппетитом поглощала шоколадные печенья, – ещё больше заработаешь, и ходить никуда не надо, сами придут.

– Ты шутишь? Ты серьёзно думаешь, что люди согласятся платить?

– Те, кто хоть раз был у тебя, легко согласятся. Я давно удивлялась, почему ты денег не берёшь, но ты всегда была малахольная, никто другой бы не стал ничего делать бесплатно.

– И даже ты бы платила?

– Ну, если можно не платить, то нужно не платить, но я лучше тебе заплачу и выйду от тебя, как огурчик, чем буду мучаться сидеть. Раз я знаю, что есть вариант не страдать, то зачем страдать? Да и люди больше ценят то, за что платят. Попробуй, увидишь, как пойдёт.

О таком простом решении Настя не задумывалась. Несколько дней ушло на раздумье, идеальная работа не находилась, и она решилась. Когда позвонила следующая потенциальная клиентка, от которой ушёл муж после пятнадцати лет брака, Настя, запинаясь и подбирая слова, озвучила, что услуга не бесплатна. К её удивлению и облегчению, женщина охотно согласилась.

– Вы знаете, мне о вас подружка по секрету сказала, что вы прям чудеса делаете! Что после разговора с вами жизнь заново начинается! Неужели за такое жалко заплатить?

Подруга оказалась права, клиенты и правда стали более серьёзно к ней относиться. Это была уже не просто «дружеская помощь», а услуга, что меняло отношение к самой Насте. Через пару месяцев клиентов стало так много, что она вынуждена была повысить стоимость, но это не уменьшило поток. Теперь она получала хорошие деньги и думала, зачем вообще ходить на работу, если можно не ходить?

Но вместе с заработком пришёл и другой уровень эмоций, с которыми люди обращались к ней. Брошенные женщины обычно приходили с обидой и жалостью к себе, с этим Насте было легко справиться; новые клиенты имели куда более серьёзные запросы. Отчаяние, апатия, нежелание жить, жажда мести, попытки убийства и самоубийства, страхи были такими сильными, что Насте теперь приходилось подолгу успокаиваться после того, что она видела и слышала в головах клиентов. Чем больше клиент был готов заплатить, тем тяжелее были его состояния, более того, иногда эти состояния были сильнее её, а клиент требовал, чтобы она убрала их из него по щелчку пальцев, даже если сам он жил в ненависти или отчаянии годами, а то и десятилетиями. Одинокие женщины считали, что Настя «снимает порчу», и удивлялись, почему уже на следующий день десятки мужчин не делали им предложения руки и сердца.

– Анастасия, я же вам заплатила деньги, прошло две недели, а я до сих пор не встретила мужчину! Может, вы что-то не так сделали?

Настя смотрела на эту женщину и понимала, что из неё хоть пылесосом тяни обиду и отчаяние, это не поможет, потому что через полчаса она их набирала ещё больше, чем было, благодаря чёткой внутренней установке: «Все дураки, а я – королева». Гордыня в ней зашкаливала, и любой здравомыслящий мужчина её будет десятой дорогой обходить, а не здравомыслящий сбежит после первого свидания, потому что даже ему с ней будет некомфортно. Откуда у этой женщины взялось столько ненужного самомнения, Настя не знала, но через пару сеансов работать с ней перестала, ибо шансы встретить мужчину у этой женщины без тотального изменения образа мыслей стремились к нулю. Некоторые женщины приходили с пожеланиями вернуть мужей или бойфрендов, и от них веяло такой тоской, что Насте и самой хотелось сбежать. Она освобождала их от болезненных эмоций, но знала, что они придут опять, и не раз, ибо их опять бросят. Чем сильнее они боялись, тем выше была вероятность того, что это случится.

Женщины приходили с обидой, мужчины – с агрессией. Один из клиентов, внешне вполне обычный мужчина, в очках, с брюшком и лысиной, прятал глаза и долго молчал, когда Настя спросила его о цели визита, а потом выпалил:

– Я хочу убить свою жену.

Он посмотрел на Настю мельком, но и этого хватило, чтобы она увидела картинки в его голове, как именно он бы хотел убить свою жену. Картинки были настолько реальны, что

Настю передёрнуло. Кроме жены, он хотел бы убить и мужчину, с которым жена ему изменяла.

– Вы понимаете, я же всё для неё делаю, все покупаю, за все плачу, ей ни работать не надо, ничего! Что ей ещё надо?

Посмотрев на него чуть дольше, Настя отчётливо увидела, что к жене мужчина относился строго потребительски, считал её полностью своей собственностью, и однозначно не считал равней. От неё требовалось не перечить, сексуально ублажать мужа по первому требованию и не иметь своего мнения ни о чём и никогда, ибо он, мужчина, всегда знал лучше. Она даже увидела жену в его мыслях, затравленную, обиженную женщину, которая давно забыла о том, что такое гордость и собственное достоинство, а потом обрела эти ощущения с другим мужчиной, который пел ей корявые дифирамбы и якобы ничего не требовал, хотя и не побрезговал полакомиться чужой женой. Всё смешалось в клубок: её обида, жажда мести, страшно уязвлённое самолюбие мужа, мелкие гаденькие мыслишки любовника. Муж не мог справиться со своей обидой и видел только один выход: «Нет человека – нет проблемы». От наблюдения за его мыслями Настю почти затошнило, в глазах мелькали кровавые картинки беспощадной расправы над женой и любовником, и ей понадобилось время, чтобы увидеть слабость и слёзы в глубине этого жестокого и бессердечного мужчины, как казалось на первый взгляд. Она увидела маленького мальчика, который плакал оттого, что мать не любила его, плакал так горь-

ко, что у любого увидевшего это сердце бы разрывалось от сочувствия. Мальчик вырос и надёжно замаскировал обиду под подчёркнутым презрением к женщинам вообще, но она настигла его через почти пятнадцать лет брака. Но плакать он больше не умел, и заменил слёзы на желание отомстить. Настя дольше обычного потратила на то, чтобы вытащить из него огромное черное облако чувств, и собрав все свои силы, сумела растворить его, призвав на помощь золотой свет: такая мысль пришла ей как-то во время одного из сеансов работы с сильной обидой. Когда она закончила, и удостоверилась в том, что обиды в мужчине больше не осталось, она очень тихо сказала ему: «Простите свою мать. Она не знала, что вам было так больно».

Мужчина вспыхнул, как от смущения, но ничего не ответил. Положил на стол гонорар, вдвое превышающий сумму, о которой они договорились, и быстро ушёл, как будто опасаясь, что болезненные ощущения вернутся.

Настя какое-то время сидела не шевелясь, не притрагиваясь к деньгам, почти не дыша. Она чувствовала себя опустошённой, выжатой, слабой. Сама мысль о возможном насилии над женщиной или вообще над любым слабым существом была настолько неприятной, острой, колющей, что она не могла успокоиться. Картинки проплывали перед глазами, она видела, как этот мальчик мучал беззащитных животных, как унижал жену, как ненавидел и презирал мать. Они подступали всё ближе, и в какой-то момент ей и самой захоте-

лось убежать, но в голову пришли слова бармена: «Не твоё – не бери».

Тем не менее, у неё ушло почти несколько дней, чтобы суметь смотреть на эти картинки отстранённо, как на плохой фильм, и не начинать испытывать те чувства, которые они с собой несли, а ещё через несколько дней пришла новая клиентка.

Она выглядела старухой, измождённой, серой, мёртвой изнутри, хотя на самом деле ей не было и пятидесяти.

– Мне посоветовали прийти к вам, – надтреснутым голосом сказала она, – сказали, вы умеете делать чудеса.

Настя открыла было рот, спросить, в чем была проблема, но внезапно картинка пришла сама.

Событие, изменившее жизнь этой женщины, произошло пятнадцать лет назад, и каждый день из этих пятнадцати лет она жила во внутреннем кошмаре. Она была учительницей, обыкновенной школьной учительницей, работающей много часов в неделю за смешную зарплату, на которую можно было кое-как выжить, покупая полу-гнилую картошку и серые макароны, живущей в маленькой квартирке, к счастью, доставшейся ей от матери. Мужа у неё не было, он бросил её беременной, но была дочь-подросток, самая большая любовь и радость в её жизни. Красавица и умница, отличница и вообще хорошая девочка. Все свои силы и помыслы женщина отдавала дочери, не мысля себя без неё и отказывая себе во всем, только бы отдать дочери лишний кусочек всего. И вот

пятнадцать лет назад, когда женщина была на работе, одноклассники дочери, пришедшие в гости попить чаю или посмотреть телевизор, изнасиловали девочку, а чтобы скрыть это, или ещё по какой-то причине, убили её, задушив колготками, а чтобы замести следы, подожгли квартиру.

Одноклассников, конечно, нашли, и был суд, но так как они были несовершеннолетними, никаких особых мер к ним применить было нельзя, а хорошее финансовое положение родителей и вовсе позволило событию перейти в невинную детскую шалость. Волна сочувствия и соболезнования схлынула, знакомые и родственники вернулись к своей ежедневной жизни, а наша учительница осталась одна наедине со своими мыслями и ощущениями, а они были страшнее фильмов ужасов. Несколько раз она пыталась покончить с собой, но безуспешно.

Её ощущения были плотными, непроницаемыми, тягуче-чёрными. Настя прикоснулась к ним, и ей стало трудно дышать, затошнило и закружилась голова, затряслись руки. Она увидела гнев, боль, ненависть, несправедливость. Женщина сидела, не шевелясь, смотря перед собой в одну точку. Ей это всё было привычно, а Насте обжигало горло, как случайный глоток самогона, но она смотрела в это чёрное облако, пытаясь направить на него золотистый свет, и понемногу облако таяло, уменьшалось, становилось прозрачным. Казалось, время остановилось, осталось в одной точке, замерло, умерло. Наконец, облако исчезло, и Насте захоте-

лось вздохнуть с облегчением, но что-то не отпускало, да и женщина так и продолжала сидеть, смотря в одну точку. По опыту Настя знала, что как только клиент освобождался от негативных состояний, он менялся в лице и чувствовал себя воздушным шариком. Было что-то ещё там, в глубине мыслей этой женщины, спрятанное, чуть ли не погребённое. Настя внимательно смотрела на женщину, но внутри той словно выросла каменная стена, надёжно закрывая это «что-то». Опять замелькали картинки, обрывки мыслей, ощущений, вот пожарные, вот обгоревшее тело, заключение судебно-медицинской экспертизы, вот суд, бледные подростки и, как ей виделось, ухмыляющиеся родители. Это ощущение хватало за горло, душило, лишало сил, но что это, что???

Женщина внезапно подняла глаза, и Настя увидела. Стыд. Огромный, черный, с красной пастью. Это он сжирал учительницу все эти пятнадцать лет, стыд перед другими людьми, перед тем, что они думают о ней и о дочери, а вдруг они думают, что она сама всё это спровоцировала, позвала этих одноклассников к себе домой, что она вообще была не тем ангелочком, каким мать её представляла? И тогда и мать из неё никудышная, и вообще, это же такой позор!!! А мать самой учительницы всегда ей говорила, что самое страшное в жизни – опозориться перед обществом. И женщина боялась позора, как огня.

Тогда ей было лет пять, не больше, она была хорошенькой маленькой девочкой, которая с удовольствием учила стиш-

ки, для того чтобы громко их декламировать, стоя на табуретке перед взрослыми – родственниками и знакомыми родителей. Когда она их громко и складно декламировала, мама очень хвалила её и гордилась ей, а ещё больше – собой, потому что тогда родственники и знакомые умилялись, и говорили маме: «Надо же, какая умненькая девочка! Вы, должно быть, очень ей гордитесь! Вы – отличная мать!»

Перед празднованием Нового Года все были очень заняты, все готовились к ночи поедания салатов перед телевизором, а детям дали задание не путаться под ногами и выучить новые стишки, дабы усладить слух подвыпивших взрослых. Наша маленькая девочка очень старалась, она выбрала самый длинный и сложный стишок из всех, которые были в её книжке, и часами репетировала, представляя себе, как мама будет хвалить её и гордиться ею. Наступило тридцать первое декабря, в гости пришли другие дети, они весело бегали по квартире и играли, а потом взрослые позвали детей для «показательных выступлений». Все дети по очереди забирались на табуретку и рассказывали взрослым столь любимые ими стишки про зайчиков, ёлочки и белочек, и вот наступила очередь нашей умницы. Она быстро залезла на табуретку, встала, и поняла, что совершенно забыла стишок, пока бегала и играла с другими детьми. Она беспомощно озиралась вокруг, в поисках поддержки, тишина затянулась, и она услышала строгий голос матери:

– Все дети рассказали стишки, давай и ты! Не позорь меня

перед всеми!

Но девочка беспомощно молчала, так как стишок в голову не приходил.

– Я забыла, – очень-очень тихо сказала она.

– Тогда марш в свою комнату! Никаких тебе подарков на Новый Год! Мне за тебя стыдно! – почти взвизгнула мать, искренне веря, что дочь её опозорила перед всеми и что это худшее, что могло случиться с ней в новогоднюю ночь.

Мать давно умерла, намертво закрепив стыд в своей дочери, которая всю свою жизнь старалась быть правильной и хорошей, чтобы ей все гордились. И дочь свою учила быть правильной и хорошей. А оно вон как вышло.

– А если бы ваша дочь забыла выученный стишок, вы бы её простили? – очень тихо спросила Настя, все ещё видя эту маленькую девочку на табуретке.

– Конечно, – также тихо ответила женщина, – она же ребёнок! Ничего страшного, мало ли, может, переволновалась, со всеми бывает. Я её в любом случае люблю.

– Тогда и себя простите, – ещё тише сказала Настя.

Женщина глубоко вздохнула и неожиданно расплакалась. Настя видела, как стыд выходит из неё вместе со слезами, понемногу, но выходит, а сама женщина успокаивается, а вот и маленькая девочка на табуретке улыбается, потому что мама её любит, и она это точно знает.

Учительница вышла от Насти другим человеком, а Настя восстанавливалась несколько дней, думая о том, как ужас-

но пережить смерть своего ребёнка. Эти мысли и картинки сами приходили к ней, неожиданно, смущая и мешая. Чтобы как-то отвлечься, она ходила гулять в парк возле леса, и подолгу сидела на скамейке, разглядывая окружающих. Забавно, как почти над каждым человеком, проходившим мимо, она видела тёмное облако волнений или страхов, задумываясь над тем, а есть ли вообще люди, довольные своей жизнью. Проходящая мимо модно одетая старушка в шляпке неожиданно остановилась возле Насти и попросила разрешения присесть рядом на скамейку. Настя на секунду поморщилась, подумав, что в парке масса пустых скамеек, зачем нужно кому-то садиться именно рядом с ней, но не могла запретить вежливой бабушке присесть.

Старушка присела, и некоторое время сидела молча, смотря по сторонам и чему-то улыбаясь. Настя сначала и внимания не обратила, продолжая смотреть на сгустки мрачных мыслей над головами прохожих, а потом её поразила мысль, что от старушки веяло каким-то непонятным теплом и уютом. Она обернулась и посмотрела на неё повнимательнее. На секунду ей показалось, что старушка вовсе и не старушка, а озорная молодая девушка, с косичками и веснушками, в сарафане с узором из ярких цветов. Она поморгала, на всякий случай, – нет, точно старушка. Но что не так?

Над её головой не было тёмного облака. Она была словно окутана золотым светом, таким знакомым Насте, но Настя могла поклясться, что никогда не встречала таких людей

раньше.

– Тяжёлый день на работе? – участливо спросила старушка, улыбаясь Насте.

– Да, – Настя кивнула, – уже несколько дней, если честно.

– А кем трудишься, если не секрет?

Настя задумалась. И правда, кем? Нет такой профессии – чужие эмоции чувствовать... И как такое объяснить? Но старушка, почему то, вызывала ощущение, что ей можно было об этом сказать.

– Я – чувствователь, – чуть запнувшись, сказала Настя. – Забираю у людей их негатив и его проживаю...

Старушка рассмеялась совершенно девичьим смехом.

– Вот в моё время люди трудились агрономами, или инженерами, или даже доярками! А сейчас чего только не придумали – какие-то блоггеры, коучеры, чувствователи!

Почему-то Настя и сама рассмеялась вместе со своей странной собеседницей, а та неожиданно легко прикоснулась к Настиной руке.

– Если очень трудно будет, проси ангелов помочь. Они рядом, они помогут.

Старушка легко поднялась со скамейки и исчезла, наверное, свернув на какую-то узкую аллею в парке, а Настя так и сидела, глядя ей вслед. В следующий раз, когда ей надо было побыть в тишине, она стала уходить дальше в лес, чтобы не отвлекаться на негативные мысли прохожих, и просто смотрела на собак и велосипедистов.

Клиентов становилось всё больше с каждым днём, и, хотя это приносило Насте хороший доход, она часто ловила себя на усталости и эмоциональном выгорании. Почти после каждого сеанса ей нужна была тишина, окружающие люди злили и раздражали, да и их проблемы казались ей надуманными и высосанными из пальца, потому что она всегда видела, что проблема в том, как люди себя ведут. Они же считали свои проблемы наказанием Божиим и вопрошали: «За что, Господи????!!!», как будто Богу было нечем больше заняться, кроме как наказывать всех подряд. Благодаря хорошему заработку Настя смогла съехать от родителей и жила одна, что помогало, но чаще всего не хотелось вообще никого видеть. Спасал лес и уединённые тропинки. Часто в голову приходили слова той бабушки про ангелов, но она была уверена, что у ангелов хватает своих забот и за помощью не обращалась.

То, что клиенты рекомендовали её своим знакомым, уже не удивляло, и то, что люди предлагали встретиться в кафе неподалёку – тоже. Сообщение было коротким: «Нужна помощь, человек будет ждать тебя в кафе в 7 вечера, зовут Виктор».

Виктор... Имя чуть резануло по ушам, но, с другой стороны, мало ли в городе Викторов? Популярное имя!

Конечно, это был он. Тот самый Виктор, её Виктор. Эта история случилась давно, задолго до того, как она открыла в себе свои способности «чувствовать за других», и мысли о нём, тоска по нему, казалось, забылись, как говорится, «за

давностию лет». Сколько лет прошло, пять? Он мало изменился, и она увидела его сразу, как вошла, но он был погружен в какие-то тяжёлые думы, сидел, обхватив голову руками, и несколько минут она просто смотрела на него, ощущая волны лёгкой дрожи по телу, вспоминая его, его голос, тело, прикосновения.

Она познакомилась с ним на работе, где она была молодым специалистом по поддержке клиентов, а он – клиентом, которого нужно было поддерживать. Можно было сказать, что она влюбилась в него сразу, как только он подошёл к её рабочему столу и она подняла на него глаза. Широкоплечий, высокий элегантный мужчина в пальто – аккуратная стрижка, чуть седые виски, голубые глаза, приятный негромкий голос, широкие скулы и ямочки на щеках. О, эти ямочки на щеках!!! От них все проблемы, ха-ха. Кольца на пальце у него она не увидела, отчего и сделала вывод, что незнакомец неженат. Она помогла ему чуть больше, чем того требовала проблема, а он отблагодарил её чуть больше, чем требовала среднестатистическая вежливость, и общение перешло в более или менее регулярную фазу.

Он часто был в разъездах и регулярно звонил ей из других городов. Казалось, они болтали ни о чём, но по окончании разговора она ещё долго ощущала приятное томление в теле, похожее на негу или предвкушение её, и это чувство было столь сладким, что отказать себе в нём не было никакой возможности. Нет, конечно, она не собиралась с ним спать, как

можно, интимные отношения с клиентами – это непрофессионально, а она дорожила своей репутацией. Но ведь можно просто потанцевать в ресторане, под медленную музыку, наслаждаясь ощущением его большого тёплого тела, или, к примеру, порывисто обнять в знак благодарности за привезённый подарок. Он стал для неё идиолом, чем-то вроде полубога, и она засыпала и просыпалась с его именем на губах, и часто, видя в кино какую-нибудь полу-эротическую сцену, почти автоматически вспоминала о нём.

Она узнала, что он женат, случайно, из его телефонного разговора с кем-то, когда они ужинали в ресторане. Оказалось, что у него был сын лет восьми, названный Виктором в его честь, и жена, жившая с этим самым сыном в тропической стране, пока Виктор-старший в поте лица своего зарабатывал себе и им средства на пропитание. Чувства, которые она испытала, были смешанными – с одной стороны, было трудно представить, что такой лакомый кусочек ещё никому не перепал, с другой стороны, что же теперь делать с томлением и негой? Виктор, при этом, вёл себя очень деликатно, никаких намёков не делал, но симпатию к ней проявлял.

Он привёз ей очередной подарок – просто так, потому что он просто так покупал ей что-то в каждой поездке – и она предложила ему заехать к ней, потому что дома как раз никого не было. Из окна она видела, как он парковал машину возле подъезда, и вот он уже вошёл, такой большой и тёплый, а вот и коробочка с подарком.

– Это духи. Я подумал, что тебе понравится.

«Killing me Slowly», – она прочитала на коробочке. Странное название для духов, не правда ли?

Они пили чай, он рассказывал про поездку и пожаловался на головную боль, может быть, в связи с переменной часовых поясов. Она как раз стояла неподалёку от него, за его спиной, так как пошла за шоколадными печеньями, и она подумала, что если она приложит к его лбу прохладную ладонь, ему станет легче. Она даже спросила его разрешения на это. Да, конечно, давай.

Прикосновение было таким приятным, что она на секунду вообще забыла, кто она и что происходит. Она стояла за его спиной, одна ладонь охлаждала его горячий лоб, а вторая как-то сама собой легла на его плечо. Прошла пара минут, он очень осторожно положил руку поверх её ладони, притянул к себе и нежно поцеловал эту самую ладонь.

Минут через пятнадцать они оба были почти полностью раздеты, страстно целуясь на диване, и её мысли о том, что «это непрофессионально» и «он женат» были смыты волной удовольствия от его прикосновений. Она и сама не поняла, как все произошло, но она точно знала, что это был самый лучший секс в её жизни, может быть потому, что в Викторе было верное сочетание нежности и напористости, или потому что она считала его полубожеством, а может, это и правда был отличный секс.

Чуть позже он уехал, а она долго наслаждалась воспомин-

нениями о его теле, и даже не хотела идти в душ, чтобы не смывать с себя его драгоценные прикосновения.

Встречи продолжались, не очень часто, но и не очень редко, она ждала их с нетерпением и, конечно же, хотела, чтобы этот мужчина стал её мужчиной, вот взял и принял такое решение. Ему же нравится секс с ней, почему бы и не жениться? Про его жену она не спрашивала, а он не говорил; когда он был рядом, это было самое лучшее ощущение, а когда его не было, было что-то, напоминающее о нём, то, что он ей подарил. Духи, свечи, диски с музыкой, коврик для йоги, ароматические палочки, футболки со смешными надписями.

Звонил он всегда неожиданно, и ещё более неожиданно не звонил, когда обещал. Её это злило, но сделать она ничего не могла. Вот такой человек.

От него не было звонков примерно неделю, а если она звонила сама, то он не отвечал, и звонок раздался ровно хонько во время скучнейшего совещания, обязательного к посещению. Покидать совещание было запрещено, почти под страхом увольнения, но Виктор был важнее. Она вышла из кабинета, чтобы ответить на звонок и сказать ему, что она на работе и что перезвонит. Он сказал, что вернулся в город, хотя она и не знала, что он уезжал, и положил трубку. До конца совещания она досидела с трудом, и как только можно было сбежать, сбежала, набирая заветный номер. Виктор не взял трубку. И не перезвонил. Ни в тот день, ни в следующий, ни через неделю.

Говорят, следы наркотика сохраняются в теле человека около месяца. Следы воспоминаний о Викторе жили в её теле около года, а то и дольше, да и поддерживала она их намеренно, пользуясь теми вещами, которые он ей подарил и слушая музыку, которую он выбрал для неё. Ощущение неги от мыслей о нём стало из сладко-сладкого сладко-горьким, но всё ещё приятным, как запах духов, тех самых, которые медленно убивали, а его образ приходил, как по щелчку пальцев, при малейшем намёке на сексуальное возбуждение.

Со временем ощущения притупились, внутри себя она смирилась с тем, что он женатый человек и быть с ней не может, а потом открылся её дар, и скучать и страдать было некогда, потому что приходилось работать со страданиями других людей. И вот он здесь, перед ней, её идол и божество, нуждающийся в её услугах, хотя вряд ли он знал, что она и есть тот человек, который будет ему помогать.

– Привет, – она села напротив него, – мне сказали, ты хочешь встретиться со мной?

Он выглядел, мягко скажем, ошалевшим, увидев её, растерянным.

– Да, мне сказали, есть человек, который может помочь с эмоциями, хотя это звучит по-идиотски, но я и не думал, что это ты. Это ты тот самый человек?

– Я тот самый человек. Тебя это смущает?

Его губы сказали «нет», а в его мыслях она увидела «да», а потом и всё остальное пришло, ей не нужно было даже при-

касаться к нему.

Он перестал звонить Насте, потому что в его жизни появилась другая девушка, тоже работавшая в сфере поддержки клиентов. Конечно, он знал о своей привлекательности, конечно, девушки сами легко шли с ним на контакт, Настя была одна из многих, даже приёмы были отработаны: подарки, духи, редкие встречи, никаких сексуальных намёков. А та, другая, была не такой. Она держала дистанцию с самого начала, а узнав про жену, и вовсе отказалась общаться, лишь иногда отвечала на сообщения, и его это раззадоривало, он не прекращал попыток, под любым предлогом приходя в агентство, где она работала, а потом и сам не заметил, как влюбился. Та девушка стала для него таким же божеством и наваждением, как он сам был для Насти. Он подал на развод, сказал жене, что любит другую, согласился платить огромные алименты на сына, и пришёл просить руки и сердца своего идола, на что она протянула ему руку с красивым колечком из белого золота.

– Я помолвлена. Свадьба через полтора месяца.

И вот теперь его уязвлённое самолюбие не давало ему покоя. Он думал, что легко с ним справится при помощи вина, водки, других девушек, охоты, спортзала, но оно оказалось сильнее, и кто-то ему посоветовал обратиться к человеку, который поможет избавиться от навязчивого чувства. Кто же знал, что это одна из тех, кого он без сожаления бросил, как только появился более интересный объект!

– Если ты не хочешь помогать мне, я пойму, – его голос звучал суетливо, – ты же не обязана, но вдруг, если ты сможешь, я удвою гонорар, – он положил на стол купюры.

Настя не смогла сдержать непрофессиональной усмешки. А ведь она этого человека считала полубогом!

Работа с его гордыней заняла минут пять, не больше, и он явно почувствовал облегчение. Расправил плечи, оглянулся по сторонам, заметил симпатичную официантку. Пододвинул деньги поближе к Насте.

– Спасибо, ты и правда волшебница, как про тебя и говорят. Ты извини, что я тогда исчез. Так получилось!

Настя усмехнулась ещё раз. Откуда ему было знать, что она прочитала все его мысли?

Она положила деньги в кошелек и даже успела заказать себе кофе, когда волна её собственного уязвлённого самолюбия подошла близко-близко и начала лизать ей пятки.

Всё внутри сжалось от обиды, жалости к себе, злости на свою наивность.

– Я же его любила, даже ничего не требовала, а он просто мной попользовался! За что??? – пронеслось у неё в голове.

В эту секунду она увидела себя со стороны. Она ведь считала, что люди просто слабаки, не умеют принимать свои чувства, тут же нет ничего сложного! Отдалился, посмотрел, сказал, что люблю, растворил, всё! Ты же умеешь, сделай!

Гордыня была сильнее. Она вцепилась ей в горло, мешая дышать, подкидывая в огонь болезненных ощущений дро-

вишки в виде картинок того, как цинично Виктор планировал соблазнить её, и как на самом деле влюбился в другую и был готов жениться.

– Она лучше тебя, а ты дура наивная, – веселились голоски в Настиной голове, корча рожицы и прыгая, – думала, он на тебе женится, вот деревня!! Да кому ты вообще нужна, малахольная! А ведь тебе говорили, с женатыми спать нехорошо, а на работе романы заводить – непрофессионально! Как тебе не стыдно?

Ей было и стыдно, и больно, и горько, и обидно.

Пытаясь успокоиться, она отхлебнула кофе, сосредоточилась, пытаясь сконцентрироваться на ощущениях, взять над ними контроль.

Волна была сильнее, к остальным чувствам примешалось отчаяние.

Сама не понимая, почему, Настя вспомнила ту бабушку в парке, что она там говорила про помощь?

Подняла глаза к потолку, ни к кому особенно не обращаясь.

– Помогите!

Пока смерть не разлучит нас

Как известно, у водителей есть три проблемы, мешающие им адекватно вести себя за рулём: дождь, снег и яркий солнечный свет. Сегодня как раз наступила первая, и с самого утра, когда дождь ещё был маленьким дождиком, радио непрерывно бубнило про пробки и аварии. На первую утреннюю встречу Алексей съездил удачно и быстро, благо, офис заказчика находился неподалёку и радовался, что может спокойно остаться дома, в тепле и сухости, но как оказалось, радовался преждевременно. После обеда, когда дождь усилился и силуэты за окном стали размытыми до неузнаваемости, позвонил другой заказчик, важный и крупный, и потребовал привезти ему эскизы в течение часа, подумаешь, дождик, какая ерунда.

Чертыхаясь, кутаясь в плащ, пытаясь спасти от дождя бумаги и одновременно победить зонтик, норовящий улететь в ближайшую лужу, Алексей сел в машину и доехал почти на ощупь, на всякий случай выключив радио, чтобы не слушать про статистику аварий и не представлять себе ужасы мокрой дороги кроме тех, которые он видел прямо перед собой. Но капризный важный заказчик, посмотрев эскизы и раскритиковав почти каждую линию в них, на этом не успокоился, сказав, что теперь Алексею нужно их отвезти в дополнительный офис на окраине города, причём именно се-

годня и именно сейчас.

– Мы платим вам хорошие деньги, Алексей, – сказал капризный важный заказчик, почти подняв вверх указательный палец, – мало кому из фрилансеров так везёт!

– Ох уж мне эти капиталистические замашки, – бухтел Алексей, запихивая себя в мокром плаще обратно в машину, но спорить не стал и поехал. Ветер был таким сильным, что машину, казалось, бросало из стороны в сторону, видимость приближалась к нулевой, того района, куда ему пришлось ехать, он не знал совершенно и добрался до места только благодаря навигатору. Отдал эскизы, облегчённо вздохнул, сел в машину и только на развилке понял, что навигатор не работает и он совершенно не знал, куда ехать. Интуиция молчала, так как, судя по всему, вообще осталась дома и спокойно пила чай, завернувшись в пледик, а размытая дорога не помогала определиться. Алексей свернул направо, но уже минут через пять понял, что заехал в тупик, и решил просто остановиться, дабы не усугублять ситуацию.

– Ну вот и что ты прикажешь делать теперь? – риторический вопрос уже сорвался с языка, и голова привычно повернулась в сторону пассажирского сиденья, когда пришло понимание, что там никого нет и не было уже несколько дней.

– Чёрт, вот старался же не думать об этом весь день, – почти зажмурившись от болезненной эмоции, пробормотал Алексей.

Как он там? Всё ли с ним хорошо? Снизилась ли темпе-

ратура? Поел ли он? Удобно ли ему в этой дурацкой клетке?

В тот день тоже шёл дождь. Алексей был полностью погружен в мысли о новом заказе и шёл домой после встречи с клиентом, почти не замечая дороги и луж. Воображение художника уже создавало образы, и он торопился домой, успеть всё зарисовать, пока образы не ушли к кому-то другому. Остановился у высокого крыльца соседнего дома, ожидая, пока большой чёрный внедорожник отъедет от подъезда, чтобы не попасть под брызги из-под колёс. Там-то его и настиг непонятный писк, противно впивающийся в уши. Алексей покрутил головой, желая избавиться от писка, и заметил его источник. Маленький чёрный щенок сидел в самом углу, под козырьком подъезда, спасаясь от дождя, а заодно от холода и голода. С дождём козырёк мог помочь, а вот насчёт остального были сомнения. Алексей никогда не относил себя к любителям животных, и особого умиления при виде собачки не испытал, скорее, злился на то, что не может добраться домой так быстро, как планировал. Дверь подъезда открылась, и на улицу вышла старушка с типичной внешностью школьной учительницы старой закалки, в опрятном платье и с пучком седых волос. Она тоже услышала писк, увидела его источник и осуждающе воззрилась на Алексея.

– Что это вы, молодой человек, животное мучаете в такую погоду? Он же явно мёрзнет, несите его скорее домой! Щенок-то совсем маленький!

– Да он не и мой совсем, – довольно резко ответил Алек-

сей, удивлённый такими нападками.

– Тем более! – совершенно невпопад ответила старушка и смело шагнула в лужу.

Внедорожник, наконец, уехал и можно было прорываться дальше. Алексей торопливо прошёл вдоль крыльца, стараясь не смотреть на щенка, но тот, по непонятной причине, запищал так громко, что даже у совершенно чёрствого человека возникло бы неприятное ощущение ответственности за брошенное невинное существо. Он остановился. Щенок замолчал. Он продолжил путь – щенок сорвался на жалостный вой. Алексей замер. Щенок затих. Алексей сделал шаг – щенок заплакал.

– Да что ж ты будешь делать! – Алексей всплеснул руками, – чего ты от меня хочешь? Я вообще мимо проходил!

Щенок свернулся клубочком и дрожал от холода, иногда издавая жалобные вздохи.

– Вот ещё напасть, – Алексей не знал, что делать, уже чувствуя непонятную ответственность перед этим крошечным существом. – А некоторые таких, как ты, топят! В бочке! И всё!

Картинка пришла так живописно, что его передёрнуло. Кошмар какой. Такого симпатяшку – и утопить?

Но что же делать? Не забирать же бездомного уличного щенка к себе домой, на самом деле! А вдруг у него блохи? Или глисты? Или непонятные болезни? Или плохая наследственность? Какой он вообще породы, а то вырастет волко-

дав, и куда его девать?

– Чёрт, чёрт, чёрт! Дёрнуло меня идти мимо этого дома! – Алексей беспомощно озирался вокруг, в надежде, что кто-нибудь появится и заберёт щенка, окажется его хозяином, а Алексей спокойно пойдёт домой, пить чай и рисовать. Но никто не появлялся. Все уже были дома, с чаем. Все, кроме щенка и Алексея.

Щенок вздыхал и трясся от сырости и промозглости.

– Простынет ещё, – сам себе сказал Алексей. – Простынет, заболит. Нельзя его тут оставлять.

Он подошёл поближе к щенку, и постарался придать голосу строгость.

– Послушай, я тебя возьму сейчас, потому что дождь и холодно. Но потом я тебя кому-нибудь отдам, или в приют, или в хорошие руки! Ты должен понимать, мне некогда тобой заниматься, я работаю, я занят!

От звуков его голоса щенок поднял голову и на протяжении речи смотрел на Алексея тёмно-кариими глазами и даже моргал.

– Договорились? Пару дней поживёшь у меня, а потом всё!

Он протянул руки, чтобы поднять собаку. Щенок был таким маленьким, что легко поместился у него на ладони. Алексей прислонил ладонь к груди и накрыл щенка полкой плаща, чтобы того не намочил дождь. Щенок уютно устроился на тёплой ладони и доверчиво уткнул в неё нос, отчего

у Алексея как-то странно ёкнуло сердце.

Через пару шагов Алексей подумал, что совершенно не знает, что вообще с этим щенком делать. Он же, наверное, хочет есть? А что щенки едят? А где он будет спать? А как он будет ходить в туалет? Может, он вообще зря его забрал, что-то столько непонятного во всём этом!

Дождь почти прекратился. Подходя к своему подъезду, Алексей краем глаза заметил маленькую вывеску на углу здания на другой стороне дороги, «Зоомагазин».

– Надо же, сколько лет тут живу, а не знал, что неподалёку есть зоомагазин, – проворчал Алексей, но, тем не менее, в сторону зоомагазина пошёл.

Магазинчик был маленьким и уютным, а за прилавком стояла молодая девушка с котёнком на руках.

– Здравсьте, – с порога выпалил Алексей, – у меня... это!

Он извлёк щенка из-под плаща, и тот часто-часто заморгал глазками, щурясь от яркого света.

– Ой, какая прелесть! – девушка посадила котёнка в клетку и взяла на руки щенка, – такой милый! Как его зовут?

Алексей растерялся. Он, собственно, даже не знал, мальчик это или девочка.

– Вы знаете, – он смущённо закашлялся, – это даже и не совсем мой щенок, если честно, я его нашёл, у соседнего дома. Его кто-то выбросил, я думаю.

Девушка покачала головой.

– Да, вот такие люди... Их бы самих на улицу выбросить,

да ещё в такую погоду, так, говорят, это бесчеловечно. А вот такого малыша выбросить – это как? Безсобачно? Совсем малыш, ему месяца три, не больше.

– А скажите, это мальчик? Или девочка?

Девушка посмотрела на животик щенка.

– Мальчик! Крепенький такой, кстати. Но я вам не скажу, какой он породы. Возможно, никакой, – она улыбнулась, – двортерьер.

Алексей почему-то тоже улыбнулся и подумал, что, наверное, неважно, какой именно он породы. Но вот как его назвать?

– Джордж, – сказал он девушке, – давайте назовём его Джордж!

Она рассмеялась.

– Отлично! И что вы желаете приобрести для мистера Джорджа?

– Я думаю, нужна еда и какое-то спальное место. И, может, игрушки? И я не знаю, куда он будет ходить в туалет.

– А давайте ему кошачий лоток дадим? Он пока маленький, его на улицу нельзя выводить, а лоток спасёт, заодно и к туалету приучите. Корм для щенков вот в этом углу, а игрушки, я думаю, рановато, разве что какую-нибудь мягкую, чтобы он с ней спал.

Из магазина Алексей вышел с собачьей кроватью, мисками для еды и воды, запасом корма на неделю, кошачьим лотком, наполнителем для кошачьего лотка и игрушечной пан-

дой.

– А хотел всего лишь домой пораньше прийти сегодня, – сказал он Джорджу, когда они оба, наконец, оказались в квартире Алексея.

Он бережно опустил щенка на пол, и тот бодро зашевелил коротенькими лапками, бегая туда-сюда по коридору.

Алексей не очень хорошо знал, с чего начать совместное проживание с Джорджем, и решил начать с кормления. Освободил угол в кухне и поставил туда мисочку с кормом и мисочку с водой. Осталось только принести к мисочкам Джорджа. Тот понюхал еду, но есть не стал, к большому удивлению Алексея.

– И чего ты не ешь? Я тебе самый дорогой корм купил!

Вряд ли щенка уже кто-то покормил, подумалось Алексею. Может, ему неудобно есть из миски? Он взял большое полотенце и посадил щенка к себе на колени, взял миску с кормом и стал давать ему маленькие кусочки со своей ладони. Сработало! Собака ела с большим аппетитом, что, по непонятной причине, наполняло Алексея гордостью. После еды вторым важным вопросом был туалет. Кошачий лоток пристроился в ванной, но как связать одно с другим для собаки?

Ни собак, ни кошек у Алексея никогда не было, даже в детстве, ибо его мать была непоколебимо уверена в том, что они – разносчики заразы и грязи, поэтому он смутно себе представлял, как подойти к этому вопросу. Взял Джорджа на

руки и посадил в лоток. Джордж сел в лоток, но ничего не произошло. Алексей беспомощно озирался вокруг, и тут его взгляд наткнулся на стакан, стоящий на раковине. Он наполнил стакан водой и стал лить воду на наполнитель для лотка, думая, что звук льющейся воды подскажет собаке, что надо сделать. Джордж поднялся на маленькие лапки, понюхал воду, впитавшуюся в наполнитель, обошёл мокрый участок вокруг, присел и сделал лужу рядом.

– Вот молодец, какой молодец! – Алексей почесал собаку за ухом, – хороший мальчик!

– Уф, – удовлетворённо сказал он самому себе, взял щенка на руки и походил с ним по квартире. Щенок был тёплым, мягким и приятным, почти как плюшевая игрушка, которая дышит, лижет тебе пальцы и смешно бежит на маленьких лапках. Он посадил щенка в его кроватку и положил рядом с ним панду, которая была чуть ли не больше самого Джорджа. Джордж повозился, устраиваясь поудобнее, уткнул нос в панду и, казалось, задремал.

Теперь можно было и работой заняться. Алексей сел за компьютер и погрузился в свои чертежи и эскизы. То, чем он занимался, называлось модным словосочетанием «графический дизайнер», хотя сам он себя называл просто художником. Он всегда любил рисовать. В школе его одновременно хвалили за рисунки на уроках рисования и ругали за то, что на всех остальных уроках он тоже что-то рисовал. Подобно многим людям его поколения, он не очень хорошо представ-

для себе своё будущее, так как общество призывало ориентироваться на слово «надо», а не на слово «хочу». Выучился на экономиста, к чему однозначно приложили руку родители, считавшие, что экономист – это «денежная» профессия, после окончания института успел поработать таковым, в результате чего получил стойкое отвращение как к профессии, так и к науке экономике в целом. Так как нужно было на что-то жить, он сменил несколько профессий, попробовав себя и водителем такси, и кладовщиком, и грузчиком в продуктовом супермаркете, в свободное время рисуя картинки самых разных жанров. Его напарником по погрузочным работам был молодой парень, тоже по образованию экономист, и как-то на перекуре он заметил, как Алексей рисует что-то из мира фэнтези.

– Ого, здорово рисуешь! А на компьютере так сможешь?

– Почему на компьютере? – не совсем понял Алексей.

– Мой брат занимается компьютерными играми, им как раз нужен художник, который вот таких дракончиков сможет нарисовать.

Рисовать на компьютере он не пробовал, но напарник убедил его встретиться с братом и показать ему рисунки.

Брат был в восторге.

– Слушай, это именно то, что надо! Я тебе покажу, в каких графических программах мы работаем, я уверен, что ты их легко освоишь, и мы тебе сразу заказ дадим, нарисовать игру! У меня профессиональные художники так здорово не

рисуют!

Так оно и началось. Программы Алексей освоил быстро; рисование всегда доставляло ему удовольствие, а новые технические возможности давали больше свободы для творчества. Компьютерная игрушка была незамысловатая, особого сюжета или драматизма в ней не было, но драконы, эльфы и воины выглядели настолько убедительными, что Алексей моментально прославился как художник в местных компьютерных кругах, и ему почти сразу дали пару заказов на схожую тематику.

Денег много не платили, но он и не рисовал за деньги, скорее, это было что-то «для души», оплачиваемое хобби. Несколько месяцев он рисовал драконов и эльфов, его порекомендовали другим разработчикам, потом следующим, а со временем нашлись и более серьёзные заказчики, которые тоже хотели драконов, но стилизованных до неузнаваемости и вписанных в маленькие квадратики или кружочки, для оформления бланков писем и визиток начальников крупных компаний.

Алексей ездил на встречи в стильные офисы, где слегка терялся от обилия длинных ног скудно одетых сотрудниц, с придыханием произносивших слова «логотип», «нейминг», «брендирование», «фирменный стиль», причём не всегда к месту. В конечном итоге, ему нужно было нарисовать очередного дракона, или волка, или птицу Феникс, главное, чтобы не было похоже на работы других художников. Работа бы-

ла скучной, но за неё хорошо платили, настолько, что больше ничего не надо было делать, уж тем более не таскать ящики с помидорами, а в свободное время он всё так же рисовал кельтских воинов и воительниц, любовно прорисовывая доспехи, оружие и развевающиеся на ветру рыжие волосы. Он даже сделал себе визитки со своим именем и должностью «графический дизайнер», но раздавать их не приходилось, потому что заказчики часто рекомендовали его своим знакомым, ценя за трудолюбие и немногословность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.